Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Две главные женщины Владимира Набокова

22.04.2026.

Вера Набокова и Елена Сикорская в 1971 г. Фото из архива семьи Сикорских

Ровно год назад я предоставила слово на моем сайте «Наша Газета» научному сотруднику Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге, руководителю программы «Набоковские чтения» Татьяне Пономаревой для рассказа о ее книге, тогда еще только готовившейся к выходу в издательстве «Симпозиум». С тех пор книга под названием «Набоковы: жена и сестра» вышла, мне удалось получить экземпляр. И сразу же захотелось поделиться прочитанным, тем более что предыдущий материал был доступен только на русском.

Эта книга состоит из нескольких неравных по объему частей. Первая – это краткая (всего десять страниц) автобиография Елены Владимировны Сикорской (1906-2000),

сестры писателя и, пожалуй, самого близкого ему человека из всех родственников. Затем идут два письма, написанные Еленой старшему брату из Праги в 1932 и 1939 годах и служащие дополнением к изданию «Владимир Набоков. Переписка с сестрой», вышедшей в 1985 году. Далее – многочисленные письма жены Набокова Веры Евсеевны, урожденной Слоним: в основном адресованные Елене, но также их общему племяннику Ростику (Ростиславу Петкевичу), сыну Ольги Набоковой; письма писались чаще всего от имени и по поручению Владимира Набокова, у которого не хватало на это времени, и часто содержали приписки от него и рисунки бабочек. И, наконец, в качестве Приложения, стихи Елены Владимировны, написанные в период с 1933 по 1939 год.

Можно долго рассуждать о том, хорошо ли читать чужие письма. На мой взгляд, те, кто действительно не хотят, чтобы они попались кому-то на глаза, уничтожают их. А те, кто хранят, обычно делают это ради лучшего понимания самих себя потомками – либо собственными, либо в более глобальном смысле. Случай Набокова относится, конечно, ко второй категории, ведь интерес ко всему, что касается его жизни и творчества, год от года только растет. Для поклонников писателя эта книга – настоящий кладезь, ведь она позволяет взглянуть на Владимира Набокова с редкого ракурса, не через его тексты и уже устоявшийся канон их интерпретаций, а через ближайшее окружение: любимых жену и сестру. Вера Набокова предстает не только как жена, но и как редактор, литературный агент, хранитель архива, и, в известном смысле, соавтор биографии, порой растворяющаяся в муже. Она – не просто спутница гения, а ось, без которой набоковский проект вряд ли был бы осуществим в том виде, в каком мы его знаем, но при этом Вера Евсеевна всегда преуменьшала собственную роль, стараясь оставаться в тени. Сестра же оказывается фигурой менее очевидной, но не менее интересной. Если Вера – ось, то Елена – своего рода боковое зеркало, в котором отражается другая версия семейной и культурной истории.

Для обеих, при полном осознании таланта Набокова-писателя, он все же был прежде всего любимым мужем и братом, и их эпистолярное общение подчеркивает человеческое измерение «классика», давая читателю понять, как его «частная жизнь» соотносилась с его взглядами – в текстах и в жизни, да и с самим его литературным мифом. Надо только внимательно читать, иногда между строк.

Рассказ Елены Владимировны о детских годах четко показывает, откуда что взялось у ее брата: главенство семейных ценностей, англофильство и особое отношение к Швейцарии (через гувернанток), воспитание в строгости, железная дисциплина, с раннего возраста – приучение к чтению, музыке и театру. Но вот еще две интересные детали: запавшие на всю жизнь оперы с участием Шаляпина (сын Набокова Дмитрий пробовал делать карьеру как оперный певец, причем именно бас), просмотр первой экранизации «Войны и мира» (вероятно, речь идет о ленте В. Гардина и Я. Протазанова 1915 года, а для Владимира Набокова Толстой будет «непревзойденным русским прозаиком»), и запах анемонов в парке (на них так любят садиться обожаемые Набоковым бабочки). А вот почему русская аристократка делает акцент на том, что в выбранную для нее и ее сестры отцом «одну из самых либеральных школ в Санкт-Петербурге» без всяких ограничений принимали девочек-евреек, и что позже, уже в Берлине, после расставания с Россией на отплывшем из Севастополя теплоходе «Надежда» 15 апреля 1919 года, «почти все ученики в моем классе были евреи, бежавшие из России»? Этому тоже есть объяснение, если вспомнить роль,

сыгранную отцом Набоковых в печально известном «деле Бейлиса» 1913 года – Владимир Владимирович был в числе доверенных лиц несчастного, обвиненного в Киеве в ритуальном убийстве 12-летнего мальчика и в итоге полностью оправданного, а также тот факт, что два главных, помимо мужа, мужчины в жизни Елены Владимировны, брат и сын, женились на еврейках.

И как же она оказалась прозорлива! Описывая один день в доме Набоковых в Санкт-Петербурге, она указывает в скобках: «теперь Ленинграде, но будем надеяться, что настоящее название восстановят». Восстановили!

Записи Елены Владимировны заканчиваются на фразе «В 1945 году в Чехословакию вошла русская армия». И практически с этого места мы погружаемся в письма к ней Веры, отправлявшиеся сначала на адрес библиотеки женевского Дворца Наций, куда сестра Набокова устроилась на работу в 1947 и перетащила с собой сына, которого близкие называли Жикой, и мужа Всеволода – бывшему белому офицеру слишком опасно было оставаться в Праге.

Последняя прижизненная фотография Е.В. Сикорской. 23 мая 1999 г., Женева © N. Sikorsky

Удивительная вещь: при том, что читателю «достались» только письма Веры, до смерти хранимые Еленой, есть полное ощущение их активного и непрерывного диалога, проникнутого заботой друг о друге и о прочих членах семьи. Опубликованные письма охватывают период с 1947 по 1973 год. На первый взгляд кажется, что они чисто бытовые, практически в каждом расспросы о здоровье и об успехах Жики, выяснение его и Елены размеров с целью пересылки вещей, иногда подержанных; сообщения о новых публикациях Набокова и рецензиях на них, например, о рецензии Джона Апдайка на «Защиту Лужина», а также о наловленных бабочках; новости Дмитрия, отчеты о ежемесячных денежных переводах родственникам и извинения за случающиеся задержки – сейчас трудно представить себе, что порой Набоковы едва сводили концы с концами, жили от гонорара до гонорара и тратили массу времени на поиски жилья подешевле; бесконечное планирование встреч. Именно ради стабильного заработка В. В. Набоков согласился преподавать. «Этим летом нам предстоит переезд в Корнель. Это большой университет в штате Нью-Йорк, но в пяти или шести часах от города Нью-Йорка, т.е. в глубокой провинции. Зато там В. получает «Асошиэт Профессоршип», и мы надеемся, что через год-другой ему удастся получить профессуру где-нибудь в более оживленном месте», - писала Вера Елене 7 марта 1948 года, а 14 апреля 1954-го сообщала: «Володю недавно сделали из Associate Professor полным. Это считается честью, но, к сожалению, Корнел очень скуп, и кроме чести, никаких других благ не дал». Очень часты в письмах сожаления о том, что преподавательская деятельность и другие способы заработать – например, редактирование «Анны Карениной» по-английски или статьи для The New Yorker – очень отвлекают мужа от основной работы.

За время этой переписки Набоковым осуществлен монументальный перевод «Онегина» с комментариями, на что ушло более пяти лет, переведено на английский «Слово о полку Игореве», написаны «Дар», «Лолита», «Пнин», «Другие берега», «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Ада»… На фоне не прекращающихся по сей день пересудов о «Лолите», интересно читать отзыв о романе Веры от 12 ноября 1955 года: «Это совсем не порнография, а изумительный, тончайший разбор

«изнутри» страшного маниака, и трагической судьбы беззащитной девочки», за которым следует совет Елене не показывать книгу сыну, на тот момент шестнадцатилетнему, и вообще не оставлять ее дома на видном месте. А уже через восемь дней сам Набоков приписывает в очередном письме: «У меня вышла в Париже книжка, которую переслать тебе не могу. Она хорошая и страшная, но тема ее здесь запретна». Три года спустя, 8 декабря 1958 года, Вера делится: «"Лолита"» все еще bestseller. И фильмовые права проданы, договор на днях был подписан». (Именно с момента продажи Стенли Кубрику прав на экранизацию «Лолиты» финансовое положение Набоковых стабилизировалось, что отразилось и в сумме регулярных переводов родным.) 1 августа 1962 года она сообщает, что «"Лолита" – на обложке Schw. Illustrierte », то есть швейцарского еженедельного журнала « Die Schweizer Illustrierte ».

Могила Набоковых на Cimetière de Clarens © N. Sikorsky

Узнаем мы из этой переписки и о некоторых мнениях Набокова без всяких фильтров, которые могут удивить, а то и возмутить. Так, 27 декабря 1958 года он приписывает в конце письма Веры к Елене: «Смотри, не обманись насчет Д <окто > р <а > Живаго. Это скверная, мелодраматическая дрянь, вполне в духе советской литературы, в корне фальшивая и вульгарная, несмотря на пряники с херувимами». А поселившись в апреле 1966 года во Флоренции, пишет сестре: «Тут Федор Михайлович писал «Идиота». Я его пониманию. Отвратительно шумный, мучительный город». При этом Набоковых очень интересует другой роман. «Читала ты Булгакова «Мастер и Маргарита»? Напечатано в «Москве», ноябрь 1966 и янв <арь > 1967 и было немедленно распродано», пишет Вера Елене 22 июня 1967 года, а уже 1 июля переспрашивает: «Ты мне не ответила, читала ли ты «Мастер и Маригарита» (старое, но впервые напечатанное) в «Москва». Если не читала, и у вас нет, мне предлагает приятельница прислать «Xerox», она говорит, что изумительно, и что нельзя достать, сразу распродали».

Не оставляет ни малейших сомнений и отношение Набокова к СССР. «О поездке В. «за занавес» конечно не может быть речи», пишет Вера Елене в апреле 1959 года, а в июле 1966 развивает эту мысль в отношении племянника, поступившего на работу синхронным переводчиком в ООН: «Надо только внушить ему, чтобы держал язык за зубами, не соблазнялся дружескими авансами советчиков, даже самых «симпатичных», не говорил, что у него есть нехороший дядя-писатель, и никуда не ходил один». Понятно, что под «советчиками» имеются в виду советские граждане.

Токен для вставки статей по теме: Чувствуется и неодинаковое отношение четы Набоковым к разным членам семьи. Их общая любовь к Елены очевидна, иначе как «душка» они ее не называют, завершая каждое послание поцелуями ей и ее сыну. Зато отношение к другой сестре, Ольге, явно неодобрительное: «Я возвращаю Ольгино письмо. A part ее обычный пошловатый, вернее вульгарноватый, тон (особенно когда речь о сердечных делах), письмо ее на этот раз сравнительно мирное. Конечно, оно полно Ольги – стройной, ловкой, удивительной Ольги – слава Богу, что она такой себя видит», пишет Вера Елене 1 июля 1967 года. А вот муж Елены Владимировны ни в одном письме даже по имени не назван, и в его адрес – только приветы. Без поцелуев. Правда, искреннее сочувствие Елене во время его болезни и очень ранней, в 1958 году, смерти.

Правнук Е. В. Сикорской на ее могиле © N. Sikorsky

Признаюсь, что мне, заставшей Елену Владимировну в уже очень преклонном, за 90 лет, возрасте, трудно представить себе ее молодой, трепетной, влюбленной и узнать в ней автора очень личных, лиричных и чувственных стихов, приведенных в конце книги. Все они посвящены ее мужу и наполнены любовью к нему. Но при этом столько в них грусти, сомнений, одиночества, что не знаешь, что и думать. Вот две строчки, написанные всего через год после замужества:

В неискусном стихе не могу я иначе прославить
сладость плоти твоей и холодное сердце твое.

Видно, не все еще загадки разгаданы.

… Вера Евсеевна Набокова пережила мужа на 14 лет, в последние годы страдала болезнью Паркинсона, но неустанно занималась сохранением наследия писателя. Она тихо скончалась в Веве 7 апреля 1991 года в возрасте 89 лет. Согласно ее воле, ее прах смешали с прахом Владимира, и теперь они покоятся на кладбище в Монтре вместе с сыном Дмитрием, покинувшим этот мир 23 февраля 2012 года. Перед отелем Montreux Palace, где 17 лет прожили супруги Набоковы, установлен памятник писателю работы Филиппа Рукавишникова.

Елена Владимировна Сикорская пережила мужа на 42 года, в последние годы страдала от артрита, была вынуждена пользоваться креслом-каталкой, но до последнего дня сохранила ясность ума и чувство юмора, обожала играть в скрэббл и выигрывать. Она скончалась 9 мая 2000 года в возрасте 94 лет в доме престарелых в пригороде Женевы, неподалеку от дома своего единственного сына сына, с разрешения которого и были опубликованы все эти тексты. Похоронена на кладбище в женевском квартале Пети-Саконне вместе с мужем, их могилу легко узнать по православному кресту.

P.S. Свежайшая информация от Татьяны Пономаревой: В Литературном музее Пушкинского Дома в Санкт-Петербурге вслед за залом Серебряного века теперь следует зал Владимира Набокова. Это постоянная экспозиция, в которую входят фотографии, документы, личные предметы, инструменты писательского труда, книги из библиотеки семьи Набоковых. Кроме того, в архиве музея "Рождествено" обнаружены неопубликованные юношеские стихи Набокова.

[Владимир Набоков]

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/dve-glavnye-zhenschiny-vladimira-nabokova*